
ЭДЕЛЬВЕЙС
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Вета Косарева
Эдельвейс

https://litres.ru/74828338
SelfPub; 2026

Аннотация

Меня зовут Каэлин де Эстерхази, и я убила отца в день рождения брата. Ещё вчера я была принцессой великого рода, а сегодня я убийца, и богиня Порядка уже выставила мне счёт.

Мне нужно попасть на другой конец мира, а единственный, кто может меня туда доставить, наёмник. Он берёт плату и не задаёт вопросов. Я надеюсь, что так будет и дальше.

Я знаю, чего стоит моё преступление. Просто не скажу вам, что стоит за этим на самом деле.

Содержание

Пролог 4
Глава 1 15
*** 24
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Вета Косарева
Эдельвейс

Пролог

Добро лишь вероятно,

Зло же
неизбежно.

Золото волос под моими пальцами отдавало шелком и теплом живого пламени. Я перебирала пряди неторопливо, наслаждаясь тем, как они скользят сквозь пальцы – тяжелые, живые, пахнущие пергаментом, какой-то пряностью и еле уловимо – лавандой.

Аин довольно выдохнул и откинул голову назад, почти укладывая её мне на колени. Наследник Императора, будущий властелин Верхних Земель, сейчас походил на избалованного мальчишку, дорвавшегося до удобного кресла.

– Ты как кот, – не преминула заметить я, не удержавшись от улыбки.

Он приоткрыл один глаз. Серый, с искрой, смотрел мягко, по-домашнему – так, как не увидит никто за пределами этой комнаты.

– Мурлыкать не буду, – предупредил он с ленцой в голосе. – Это ниже моего достоинства.

– Какое счастье, – протянула я. – А то я уже испугалась, что придётся звать лекаря.

Аин хмыкнул и снова закрыл глаза, нагло придвигаясь затылком ближе. От него пахло дорогим вином, которым он, видимо, угощал послов на вечернем приёме, и всё той же лавандой – мать настаивала, чтобы в одежду брата вшивали сухие цветы. Для «успокоения ума», как она выражалась. Мне же всегда казалось, что это просто предлог, чтобы напоминать Аину о её присутствии даже тогда, когда её нет рядом.

Такие вечера стали нашей традицией задолго до того, как он обзавёлся обязанностями заседать в Совете. Он врывался в мои покои – тогда ещё детские, потом девичьи, теперь – взрослой принцессы – и требовал, чтобы его «ублажали, как безродного бездельника». Его слова.

Огонь в камине треснул особенно громко. Атрия, до того момента растворившаяся в книге в соседнем кресле, на секунду подняла голову, стрельнула в нас взглядом – с тем особым выражением, в котором смешались умиление и легкая теплота. Она качнула головой, золотые локоны, ещё не убранные на ночь, рассыпались по плечам.

– Вы совсем не переживаете о завтрашнем дне. А между прочим, это твой день рождения, Аин, – в голосе Атрии послышались нотки старшей сестры, хотя она была младше меня на шесть лет.

– Я весь дрожу, – так же спокойно отзывается брат, даже не соизволив приоткрыть свои наглые глаза.

Я не удержалась от смешка. Атрия закатила глаза, но улыбка всё же тронула уголки её губ. На столике лежал какой-то пухлый трактат о придворном этикете, которые ей подсовывала мать, – и сложила руки на груди, стараясь придать себе строгий вид. Выходило не очень: её юное лицо больше подходило для улыбок, чем для выговоров.

– Дрожит он, – передразнила она. – Ты хоть бы маме показался, она тебя обыскалась. Или ты думаешь, что завтрашний бал сам себя организует?

– Для этого есть советники, – всё так же лениво отозвался Аин, перехватывая прядь моих волос и начиная накручивать её на палец. – И мама. И ты. Я здесь исключительно для того, чтобы украшать собой трон.

– Ты украшаешь собой мои колени, – поправила я, вытягивая прядь из его пальцев. – И портишь мне платье. Оно новое, между прочим.

Аин скользнул взглядом по моему домашнему халату из тёмно-синего бархата, расшитому серебряной нитью.

– Великолепно, – вынес он вердикт. – Как раз для приёма послов. Можешь завтра в нём и выйти, всех сразишь наповал своей красотой.

Я легонько стукнула его по лбу. Он даже не поморщился.

– Если бы я знала, что наследник Династии будет таким невыносимым, я бы ещё в детстве сбежала от тебя подальше.

– Конечно, – согласился Аин, – но вернулась сразу же, как только поняла бы, что лучший марципан делает наш повар.

– Ты ужасен.

Атрия вздохнула, поднимаясь с кресла. Платье её – лёгкое, домашнее, но всё ещё дорогое, из тканей, которые простые смертные не увидят и за всю жизнь, – шелестело по паркету, когда она подходила к нам. В лунном свете, пробивающемся сквозь высокие окна, её волосы казались расплавленным золотом – такими же, как у Аина, как у матери, как у меня.

– Ладно, – сказала она, – я сдаюсь. Но если мама завтра устроит разнос за то, что вы оба не спали всю ночь, я буду сидеть в стороне и делать вид, что не знакома с вами.

– Ты всегда так делаешь, – заметил Аин.

– И это правильно, – парировала Атрия. – У каждой принцессы должна быть своя стратегия выживания.

Она наклонилась и поцеловала Аина в лоб – по-сестрински, легко, будто они всё ещё дети и он только что победил на турнире, а она бежала поздравлять первой. Потом – меня в щёку, и от этого прикосновения что-то кольнуло под рёбрами, заставило сердце сбиться с ритма. Запах жасмина, её любимый, на секунду перебил аромат лаванды и догорающего камина.

– Не засиживайтесь слишком долго, – сказала она уже с порога, обернувшись. В полумраке коридора её фигурка казалась почти прозрачной – тонкой, хрупкой, не предназна-

ченной для тяжести, которую ей, возможно, придётся нести. – Завтра нам всем нужно выглядеть так, будто мы никогда не знали усталости.

Дверь за ней закрылась бесшумно – Атрия всегда умела уходить красиво. Не хлопала, не задерживалась, не оглядывалась в поисках последнего слова. Просто исчезала, оставляя после себя аромат жасмина и чувство, что ты что-то упустил.

Камин треснул в последний раз и начал догорать. Угли ещё тлели, отбрасывая на стены багровые отсветы, но тепла от них почти не осталось.

Аин молчал. Я молчала тоже, перебирая его волосы. Пальцы скользили по прядям, запоминая это ощущение, потому что скоро его не станет. Скоро всё изменится.

– Ты дрожишь, – вдруг сказал он, не открывая глаз.

Я замерла. Дрожь была едва заметной – я привыкла контролировать каждое движение, каждое дыхание, каждый взгляд. Но Аин всегда чувствовал больше, чем должен. Слишком много лет мы росли вместе, слишком хорошо он научился читать меня, игнорируя маски, которые я натягивала для остального мира.

– Продуло вчера на прогулке, – ровно ответила я. – Забыла накидку.

Он открыл глаза – серые, без золотых искр, которые появлялись только когда он смеялся или злился. Сейчас они были чистыми, как зимнее небо, и смотрели прямо в душу.

– Кай.

– Аин.

Он вздохнул, убирая голову с колен, и я с сожалением отметила, как его волосы ускользают из моих пальцев. Брат опустился на корточки перед моим креслом, взял мои руки в свои широкие ладони, испещрённые тонкими шрамами от тренировочных мечей. Его пальцы сомкнулись вокруг моих запястий, и это было похоже на клетку – нежную, но неумолимую.

– Ты справишься.

– Куда я денусь, – отозвалась я.

Его пальцы чуть сжались, не больно, но ощутимо.

– Ты же знаешь, что я буду всегда на твоей стороне?

Я посмотрела на его руки, укрывшие мои. Сильные. Надёжные. Те, что держали меня, когда я падала с лошади в шесть лет. Те, что заслоняли меня от гнева отца, когда я случайно порвала карту Совета. Те, что однажды, давным-давно, вытащили меня из ледяной воды, когда я провалилась под лёд.

– Это единственное, в чём я могу быть уверена.

В серых глазах мелькнула тень, и его лицо исказилось – так быстро, что я едва успела заметить. А потом он снова стал тем Аином, которого знал весь мир: спокойным, уверенным, несгибаемым. Когда он посмотрел на меня, в его взгляде было что-то, отчего мне захотелось отвести глаза. Но я не отвела.

– Когда бы ты ни вернулась – я приму тебя. Какой бы ты ни стала – я узнаю тебя. Кем бы ты ни была – ты всегда будешь моей сестрой.

Я не плакала. По крайней мере, старалась.

– До сих пор не могу простить тебе эту дурацкую кличку, – проворчала я, стараясь увести момент в сторону чего-то лёгкого, привычного, безопасного. – «Кай». Звучит как имя для дворовой собаки

– А ты и есть дворовая собака, – парировал он, и в голосе его прорезалась та самая насмешливая теплота, которой он умело прикрывался перед всем миром. – Вечно рычишь на всех, кто подходит слишком близко. Только я знаю, что ты на самом деле безобидная.

– Безобидная? – Я изогнула бровь, придав лицу максимально опасное выражение. – Хочешь проверить?

Он усмехнулся, но не отпустил моих рук. Наоборот – поднёс их к лицу, прижался губами к костяшкам, и этот жест был таким старым, таким забытым, таким… детским, что у меня перехватило дыхание. Так он делал, когда нам было по десять и тринадцать, когда я плакала от обиды, а он не знал, как меня утешить, и просто целовал мои пальцы, шепча: «Всё пройдёт, Кай, всё пройдёт».

Я смотрела на макушку его головы – золото волос, которое я не увижу ещё очень долгое время, – и чувствовала, как глаза начинают жечь.

– Ты вернёшься, – сказал он в мои пальцы, не поднимая

головы. Это был не вопрос. – Ты вернёшься, и я устрою тебе такую взбучку, что мало не покажется. За всё.

– Аин…

– За то, что оставишь меня, – продолжал он, не слушая. – За то, что завтра я буду стоять в стороне и смотреть, как ты… – голос его сорвался, но только на мгновение. Он взял себя в руки быстрее, чем я успела моргнуть. – Я сделаю вид, что ничего не знаю. Я буду улыбаться. Я буду говорить тосты и принимать поздравления. А потом, когда всё случится, я буду искать тебя. И не найду. И буду делать вид, что потерял сестру.

– А когда вернусь, мы съедим весь марципан, да?

– Абсолютно весь, – слова прозвучали как клятва.

Он медленно поднялся, всё ещё не отпуская моих рук. Я встала вместе с ним, и мы оказались лицом к лицу – брат и сестра, наследник и убийца, две половинки одного целого, которое завтра разорвут на части.

– Я люблю тебя, – сказал он, и в голосе его не было привычной насмешки, только правда, голая и неловкая, которую мы никогда не произносили вслух, потому что в этом не было нужды. – Ты знаешь?

– Знаю, – ответила я, и мои пальцы сжали его ладони так сильно, что побелели костяшки. – Я тоже.

Он улыбнулся. Криво, по-мальчишески и я улыбнулась в ответ, чувствуя, как по щеке скатывается одна-единственная слеза – предательница, которую я не успела поймать.

Он смахнул её большим пальцем, не говоря ни слова. Потом отпустил мои руки, отступил на шаг, и между нами возникло расстояние.

– До завтра, Кай, – сказал он, и в этих словах было столько всего, что я не смогла ответить.

Я просто кивнула, глядя, как он разворачивается и идёт к двери. Его шаги были твёрдыми, прямыми – он шёл, как идёт будущий Император, не оглядываясь, не колеблясь. Но у порога он замер. На секунду. Всего на секунду.

– Береги себя, – бросил он через плечо, и голос его дрогнул так, как не должен дрожать голос правителя.

Дверь закрылась. Я осталась одна.

Камин почти погас. Угли ещё тлели, бросая последние багровые отсветы на стены, но комната уже погружалась в холодный полумрак ночи. Я стояла посреди покоев, чувствуя, как уходит тепло его рук, его присутствия, его любви, и сжимала пальцы, пытаясь удержать это ощущение.

На столе, среди разбросанных книг и забытого рукоделья, лежал конверт.

Я подошла, взяла его. Изысканный, незнакомый почерк на плотной бумаге. Ни адреса, ни печати – только имя: «Каэлин де Эстерхази». Бумага качественная, ровно такая, какую используют для официальных дворцовых сообщений. С глубочайшим уважением, Х.

Текст был безупречно формален. Х. интересовался ходом подготовки дренажных канав в Южных провинциях, упоми-

нал о поставках мрамора для фонтанов и в третьем абзаце, между делом, вставлял стандартную фразу:.

«…и, принимая во внимание предстоящее завтра торжественное событие, позволю себе напомнить о необходимости завершения всех начатых дел, дабы ничто не омрачило столь знаменательный день».

Внутри дрогнуло, хотя это письмо было перечитано мной раз сто.

«К слову, на прошлой неделе по служебной необходимости посещал Келард. Не могу не отметить поразительный контраст с нашей столицей. Местные мастера добились невероятных успехов в обработке мрамора. Вашему Высочеству, уверен, было бы крайне познавательно увидеть их работу. Город оставляет незабываемое впечатление».

Два сообщения в одном. Первое: *«Исполни завтра»*. Второе: *«Беги в Келард»*.

Конверт с листком вспыхивает в моих руках синим огнем и сгорает за считанные секунды, не оставляя после себя ни следа.

В углу шкафа, среди бальных платьев, висело сапфировое – то, что выбрала для меня мать. «К твоим глазам, – сказала она, когда портной принёс образцы. – В этом цвете ты будешь неотразима».

Я подошла, провела пальцами по тяжёлому шёлку. Завтра я надену его. Завтра я буду улыбаться, танцевать, принимать комплименты. А потом, когда оркестр заиграет менуэт, ко-

гда отец протянет мне руку, я достану клинок.

Я вернулась к креслу, опустилась в него, чувствуя, как усталость наваливается свинцовой тяжестью. Спать не хотелось – в голове всё ещё звучал голос Аина, его «береги себя»

Я закрыла глаза, позволяя темноте накрыть меня, и последнее, что я увидела перед тем, как провалиться в тревожную дремоту, был отблеск углей на своём левом запястье – ещё чистом, ещё нетронутом.

Завтра всё изменится.

Глава 1

Зеркальный зал, подготовленный специально для приёма, снова и снова заставлял восхищённо застыть на мгновение. Тысячи хрустальных подвесок в трёхъярусных люстрах дробили пламя свечей и мягкое сияние магических сфер на миллионы алмазных брызг, и этот свет казался живым – он дышал, переливался, стекал по стенам, обтянутым парчой цвета спелого граната, отражался в полированном дереве, в драгоценных камнях, в глазах танцующих. Мраморный пол, инкрустированный золотыми спиралями династических узоров, уходил из-под ног, и каждый шаг по нему отзывался эхом – тихим, торжественным, будто сам зал отсчитывал мгновения, отпущенные этому вечеру.

Даже сейчас, когда я представляю собой один сплошной комок нервов, когда сердце бьётся где-то в горле, а пальцы рук почти не слушаются, я нахожу момент, чтобы в последний раз отпечатать в памяти эти мгновения. Вдохнуть воздух, пропитанный воском и дорогими духами. Услышать, как скрипки выводят мелодию, которую я знала с детства. Увидеть, как свет дробится на тысячи осколков и рассыпается по залу, чтобы больше никогда не вернуться.

Оркестр на галерее выводил менуэт – старый, торжественный, тот самый, что открывал все важные балы при дворе. Лучшие скрипачи Верхних Земель касались струн, и рож-

дались чистые ноты, которые текли по залу, просачивались сквозь парчу и шёлк, заставляли кружиться пары в заданном веками ритме. Я знала эту музыку наизусть. Знала, когда вступит виолончель, когда флейта выведет свою затейливую партию, когда скрипки сорвутся в финальное крещендо. Сегодня я слышала её иначе – будто каждую ноту отделяло от следующей вечность.

Вокруг меня кружились в танце пары: все они были идеальны, словно фарфоровые куклы, которых достали из шкатулки только на сегодняшний вечер. Белоснежные улыбки, безупречные причёски, ни одного лишнего движения, ни одного случайного взгляда. Женщины в удивительных платьях, стоивших целые состояния, мужчины в вышитых камзолах, склоняющиеся перед дамами с такой грацией, будто репетировали этот поклон годами. Веера из перьев феникса вздымали волны духов, смешанных с ароматом дорогого вина и воска, и этот запах – сладкий, тяжёлый, удушающий – наполнял лёгкие, мешая дышать.

Я скользила по залу, оставляя за собой шлейф сапфирового шёлка, и чувствовала на себе взгляды. Завистливые – от молодых аристократок, которые шептались за веерами, оценивая мой наряд. Восхищённые – от мужчин, чьи взгляды скользили по вырезу платья, по открытым плечам. Изучающие – от тех, кто видел во мне не женщину, а принцессу, пешку в большой игре, которую можно использовать, если подойти с правильной стороны.

В толпе гостей я заметила мать. Императрица стояла у одной из мраморных колонн, окружённая герцогинями и дамами высшего света, и её фигура – прямая, величественная, высеченная изо льда – возвышалась над ними, как скала над приливной волной. Темно-синее платье, воротник, подпирающий подбородок, ни единого лишнего движения, ни единой эмоции, не прошедшей строгого контроля. Её взгляд скользил по залу, отмечая всё, но ни на чём не задерживаясь. Когда он упал на меня, я почувствовала, как внутри сжимается ледяной ком. В её серых глазах мелькнуло одобрение – холодное, быстрое, как удар кнута, – и она отвела взгляд, обратив всё своё внимание на подошедшего герцога.

Я не искала отца. Я знала, где он, чувствовала его присутствие, как чувствовала всегда – тяжёлое, давящее, заполняющее собой пространство. Император Альмах стоял в окружении герцогов, и даже с расстояния в десятки шагов от него исходила мощь – волна почти физического давления, знакомая с детства. Крупный, массивный, с золотыми волосами, которые не тронула седина, он был воплощением Династии Солнца. Его холодный взгляд серых глаз, казалось, проникал в самую душу каждого, с кем он говорил.

Я сделала шаг к нему. Ноги стали ватными, но я выпрямила спину и сделала ещё шаг. Походка выровнялась, став такой же безупречной, как и у всех вокруг. Улыбка застыла на губах – та самая, которой меня учили: ни капли фальши, ни тени напряжения. Я шла к отцу, и каждый стук каблуков

отдавался в висках глухим, пульсирующим стуком.

Он заметил моё приближение. Его лицо, обычно непроницаемое, озарилось тёплой, настоящей улыбкой – той, что появлялась только для нас, детей. Морщинки собрались вокруг глаз, и на секунду я увидела не Императора, а просто отца, который рад видеть свою дочь.

– Ваше Высочество, – склонили головы герцоги, расступаясь передо мной.

Я ответила на их приветствие коротким кивком – ровно настолько вежливым, насколько требовал этикет, и ни на йоту больше. Отец продолжал разговор с гостями ещё минут десять, и я стояла рядом, чувствуя, как его тепло – живое, настоящее – пробивается сквозь слои парчи и шёлка, сквозь моё платье, сквозь кожу, к самому сердцу. Я мысленно возносила молитву Всемогущей Морриан, прося у неё сил, прощения, хоть какого-то знака, что я всё делаю правильно. Богиня молчала.

– Станцуем? – спросил он.

Я вложила свою руку в его, и моя ладонь горела, будто к ней прикоснулись раскалённым металлом. Отец сжал пальцы – осторожно, бережно, как всегда, – и повёл меня к центру зала. Толпа расступалась с благоговением, головы склонялись, шепот стихал, и на нас смотрели сотни глаз, но я видела только его – его профиль, его золотые волосы, его улыбку, которая сейчас была только для меня.

– Ты сегодня особенно прекрасна, – сказал он тихо, на-

клоняясь к моему уху. – Твоя мать выбрала отличный наряд.

В его голосе слышались гордость и какая-то затаённая боль – та, что появляется, когда смотришь на выросших детей и понимаешь, что время уходит. Я улыбнулась – той же улыбкой, что дарила ему всю жизнь, – и ничего не ответила. Слова застряли в горле, превратились в ком, который я не могла проглотить.

Музыка сменилась. Оркестр заиграл вальс – медленный, тягучий, тот самый, что был любимым у отца. Его рука легла на мою талию, и даже через плотный шёлк платья это прикосновение жгло, как клеймо. Мы кружились, и золотые спирали на полу сливались в единый водоворот, и свечи в люстрах расплывались в светящиеся пятна, и я прижалась щекой к его плечу, вдыхая знакомый, уютный запах чего-то хвойного.

Его сердцебиение – ровное, спокойное – отсчитывало последние секунды нашей прежней жизни.

Движения выходили скованными. Отец вёл меня уверенно, кружил, и моё платье развевалось, камни, вшитые в подол, сверкали в свете свечей. Альмах наслаждался моментом – я знала это по лёгкому расслаблению его плеч, по тёплому блеску глаз.

Я дрожала.

Он заметил. Чуть склонил голову ко мне, не переставая танцевать, и в его взгляде появилась тревога – мягкая, отеческая.

– Каэлин? – его голос звучал прямо над ухом, заботливый и немного обеспокоенный.

Я подняла голову, и наши взгляды встретились. Серые глаза в серые – мои в его, его в мои. В них было столько любви, столько доверия, столько лет, прожитых вместе, что у меня закружилась голова.

– Я люблю тебя, – выпалила я прежде, чем успела остановить себя.

Морщины вновь собрались на его лице, кустистые брови едва сдвинулись к переносице.

– Что случилось, милая? – спросил он, и в голосе его послышалась та самая нотка, с которой он спрашивал меня в детстве, когда я падала с лошади или проигрывала в спорах с Аином.

Я улыбнулась. Улыбка вышла фальшивой – я чувствовала это каждой клеткой, – но он, кажется, не заметил. Или не захотел замечать.

– Помнишь, ты рассказывал про пламенный цветок на самой высокой горе мира? – спросила я, малодушно позволяя себе тянуть время. Секунду. Другую. Может, если я буду говорить достаточно долго, эта минута никогда не закончится.

Отец кивнул, настороженно. Его взгляд скользил по моему лицу, и то, что я могла читать эмоции по его глазам – это было величайшее доверие с его стороны. Посторонние, рассматривая Альмаха даже в упор, в жизни бы не догадались, что творится в душе Императора.

– Как думаешь, он существует? – спросила я, чувствуя, как пальцы левой руки, спрятанные в перчатке, начинают онемевать.

– Думаю, это всё же символ перерождения и очищения души, – ответил он мягко. – У каждого этот цветок свой.

Его рука на моей талии чуть сжалась, приободряя. Я подняла голову, посмотрела ему в глаза – в эти серые, любимые, такие живые – и улыбнулась в последний раз.

Клинок скользнул из потайных ножен в рукаве в ладонь быстрее, чем сердце успело сделать удар. Я чувствовала его рукоять – гладкую, тёплую, лежащую в руке так, будто была её продолжением. Они хорошо подготовили меня. Годы тренировок, месяцы подготовки, бесконечные часы, когда я училась делать это движение с закрытыми глазами, в темноте, в воде, сбивая дыхание, чтобы в решающий момент не дрогнуть.

Я не дрогнула.

Отец не успел даже изменить выражение лица. Одно точное движение – и клинок вошёл ему в грудь, прямо в сердце, между рёбер, туда, где не спасает ни доспех, ни магия, ни божественное покровительство.

Он охнул – тихо, сдавленно, будто у него перехватило дыхание. Его рука на моей талии дрогнула, ослабла. Он отступил на шаг, и из его груди, из-под расшитого золотом камзола, начала расползаться тёмная, алая влага.

Запахло морозом.

Музыка оборвалась.

Кто-то закричал. Кто-то уронил бокал, и звон хрусталя прокатился по залу, как погребальный звон. Гул голосов нарастал, превращаясь в шум, в который я не могла вслушаться. Я смотрела только на него. На отца.

Он смотрел на меня. В его глазах не было гнева. Его губы шевельнулись, пытаясь сложить моё имя, но вместо слов из горла хлынула кровь.

– Каэл… – выдохнул он, и это было последнее, что я услышала.

Он падал медленно. Так медленно, что я успела увидеть каждую морщинку на его лице.

Я потянулась к нему. Рука, ещё сжимавшая окровавленный клинок, дёрнулась вперёд, но я не знала – хотела ли удержать его, или добить, или просто коснуться в последний раз.

В зале кричали. Кто-то звал стражу. Кто-то выл, и только спустя мгновение я поняла, что этот вой – мой.

Всё смешалось. Кровь на платье, крики, топот бегущих ног, сверкание арбалетных болтов, нацеленных мне в грудь. Я рванула кристалл на шее – тот самый, что дал Х., – и мир вокруг меня начал распадаться на куски, скручиваться в воронку, вырывая из реальности.

Последнее, что я увидела перед тем, как провалиться в бездну портала, было лицо Аина. Он стоял в толпе, бледный, с каменным лицом, и смотрел на меня. В его глазах не было

ненависти.

А потом наступила тьма.

***

Сознание возвращалось рывками – короткими, болезненными вспышками, в которых не было ни мыслей, ни образов, только пульсирующая тьма. Первые двадцать секунд я не могла открыть глаза, и это было спасением. Потому что под веками уже мелькали алые всполохи, и я знала: стоит их разомкнуть – и я увижу кровь. Ту, что заливала мрамор Зеркального зала, растекалась по золотым спиралям династических узоров, впитывалась в швы моего сапфирового платья. Я тонула в ней – в океане собственного предательства, – хваталась за воздух, который не хотел наполнять лёгкие, искала что-нибудь, за что можно зацепиться, чтобы не провалиться в бездну окончательно.

Но там, в темноте, было только тело отца. Оно медленно оседало на пол, унося с собой последний отсвет солнца, и я всё ещё чувствовала призрачную рукоять клинка в своей руке.

Я дёрнулась.

Резко, всем телом, так, что что-то хрустнуло в спине, а зубы клацнули от удара. И открыла глаза.

Ничто из случившегося не было дурным сном.

Надо мной – чёрное, бесконечное небо, усыпанное звёздами, которых я никогда не видела в Верхних Землях. Луна висела низко, огромная, желтоватая, и её свет выхватывал из

темноты мои руки, моё платье, мои волосы – золотые, длинные. Лёгкие обожгло холодом, и я перевернулась на бок, меня вывернуло наизнанку желчью и пустотой – я ничего не ела сегодня, не могла, не хотела.

Я лежала на сырой земле, среди корней и прошлогодней листвы, и смотрела, как луна дробится в мутной лужице рядом с моим лицом. В отражении была чужая женщина – бледная, с распухшими глазами и чёрными разводами сурьмы на щеках. Я не знала её. Я не хотела её знать.

Прошло десять минут, прежде чем я смогла сесть. Ещё пять – прежде чем смогла заставить себя посмотреть на свои руки.

Клинок лежал рядом, на земле. Тёмный, с узкой рукоятью, обмотанной чёрной кожей. На лезвии ещё не засохла кровь – алая, густая, блестящая в лунном свете. Я смотрела на неё, и во рту появлялся привкус металла, и в груди разрасталась пустота, которую ничем нельзя было заполнить.

Я взяла клинок. Рука дрожала, но я сжала рукоять так, что побелели костяшки, и принялась тереть лезвие о подол платья. Сапфировый шёлк, стоивший целое состояние, мгновенно впитал кровь, оставив тёмные, влажные разводы. Я тёрла, пока лезвие не стало чистым, а потом всё равно не могла остановиться – водила пальцами по металлу, проверяя, не осталось ли хоть капли.

Когда я наконец убрала клинок в ножны, моё платье было испорчено. Как и всё остальное.

Я не плакала. Слёзы кончились там, в Зеркальном зале, вместе с последним вздохом отца. Теперь осталась только пустота и тошнота, которая, казалось, никогда не пройдёт.

Опираясь на ствол ближайшего дерева, я поднялась. Ноги не слушались, каждое движение давалось через боль. Огляделась. Лес был густым, древним, с высокими кронами, которые почти не пропускали свет. Где-то неподалёку журчал ручей. Воздух пах хвоей, прелой листвой и сыростью – так пахнут места, где редко ступает нога человека.

Я нашла нужное дерево – огромный раскидистый дуб, который Х. описал в своих инструкциях. Обогнула его, опустилась на колени и запустила руку под корень, припорошённый листвой. Пальцы нащупали плотную ткань, и я вытащила свёрток.

Внутри была одежда – простая, грубая, незнакомая. Тёмные штаны из плотной вощёной ткани, стёганая куртка-дублет, безрукавный кафтан из толстой дублёной кожи, длинный непродуваемый плащ с капюшоном. Два клинка в простых ножнах, увесистый кошель с золотом и несколько стеклянных флаконов с краской для волос.

Всё, что нужно, чтобы исчезнуть.

Я подняла голову к луне – немой свидетельнице падения принцессы из великой Династии Солнца – и в последний раз провела рукой по своим волосам. Золотые, длинные, они скользили сквозь пальцы, как вода, как время, которое я больше не могла удержать.

Клинок вошёл в пряди у самой шеи, и я резала, не глядя, чувствуя, как тяжесть уходит вместе с каждым отрезанным локоном. Золото падало к ногам, смешивалось с листьями и землёй, и я смотрела на это, чувствуя острую, режущую боль в груди.

Краска пахла резко, горько, и когда я втирала её в обрезанные волосы, пальцы дрожали так, что я боялась испортить всё. Но Х. подготовил состав, который ложился легко и быстро, превращая золото в пепел, в уголь, в ничто.

Я разделась у ручья, сдирая с себя сапфировое платье, которое ещё хранило тепло зала, ещё пахло жасмином и воском, и зачерпывала ледяную воду, смывая кровь с лица, с рук, с плеч. Вода была обжигающе холодной.

Когда я натянула новую одежду, тело казалось чужим. Грубая ткань царапала кожу, непривычная тяжесть клинков тянула пояс, голова без привычного веса волос казалась неестественно лёгкой. Я посмотрела на своё отражение в ручье – тёмная фигура, низко надвинутый капюшон, чёрные пряди, падающие на лицо.

Где же в этой женщине Каэлин де Эстерхази?

Я шла всю ночь.

Лес сначала казался враждебным – каждый шорох заставлял хвататься за клинок, каждая тень – казаться погоней. Но постепенно я поняла: здесь нет стражников, нет арбалетов, нет шепота придворных, которые уже разносят весть о том, что старшая принцесса зарезала Императора под вальс.

Здесь только я, луна и дорога, которую нужно пройти.

Время потеряло привычную текучесть. Оно то сжималось в тугой комок при каждом скрипе ветки, то растягивалось в бесконечную вереницу шагов, отдающихся ноющей болью в непривычно стянутых сапогах. Я шла, почти не останавливаясь, ориентируясь по звёздам – уроки астрономии, некогда такие скучные, теперь стали единственной нитью, ведущей сквозь хаос.

Мысли упрямо возвращались к залу, к последнему взгляду отца.

Я стискивала зубы, глотала ком, встававший в горле, и заставляла ноги двигаться быстрее. Последнюю милю я преодолевала, чувствуя, как каждая мышца кричит от усталости.

Угримт показался на горизонте с первыми лучами солнца: сначала как смутное скопление более тёмных силуэтов на фоне светлеющего неба, затем проступили неровные очертания деревянных стен и островерхих крыш. Город, если его можно было так назвать, раскинулся в широкой долине между двумя голыми холмами. Он походил на грубо сшитое одеяло из тёмного дерева, серого камня и соломенных крыш, опутанное дымом из десятков печных труб. Никаких стен, лишь хаотичное нагромождение домов, амбаров и заборов, сбегающих к грязной ленте реки. Всё здесь было приземистым, практичным и лишённым какого-либо намёка на изящество. Совершенная противоположность сияющим

мраморным галереям дворца. Никакой стражи на воротах – только пара мужиков в потрёпанных доспехах, которые даже не взглянули на меня, когда я прошла мимо.

Я влилась в толпу, натянув капюшон глубже, и двинулась к центру, где, по словам Х., должна была быть единственная таверна. «Спящий вепрь» – жёлтая вывеска с хрюкающим чудовищем, грязные окна, запах жареного мяса и кислого пива, доносящийся даже с улицы.

Трактирный зал, погружённый в полумрак, несмотря на ранний час, уже был полон жизни. За столами из неструганых досок сидели несколько человек, похожих на купцов или зажиточных ремесленников, неторопливо завтракающие. В углу двое типажей поскандальнее тихо о чём-то спорили. Воздух гудел от низкого гомона голосов, потрескивания поленьев в огромном камине и звона кружек.

Я двинулась к стойке, стараясь ступать твёрдо, не глядя по сторонам. Сапоги – непривычно грубые, неудобные – глухо стучали по половицам. Плащ, который я натянула на плечи ещё в лесу, скрывал фигуру, но я чувствовала, как тяжёлые складки ткани цепляются за пояс, за ножны, напоминая о том, что я теперь ношу оружие не для турниров. Капюшон был низко опущен.

За стойкой возвышалась дородная женщина с быстрыми, цепкими глазами. Она вытирала кружки грязной тряпкой, но взгляд её уже скользнул по мне, оценивая – плащ дорогой, сапоги хорошие, но не парадные, оружие есть, но не дворян-

ское.

– Мясная похлёбка, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал низко и ровно. – Хлеб. Кувшин воды.

Хозяйка кивнула, не задавая лишних вопросов. Я бросила на стойку монету – серебряную, стёртую, из тех, что дал Х. – и отошла к дальней стене, туда, где за массивной балкой было почти темно.

Угол у камина. Спиной к стене, лицом к залу. Отсюда просматривались и вход, и лестница наверх, и почти все столы. Я опустилась на лавку, скинула плащ, положила руку на ножны – небрежно, как делают те, кто привык к оружию.

Похлёбка, густая и жирная, с кусками жёсткого мяса, и чёрный хлеб были доставлены молчаливой служанкой. Еда казалась безвкусной, словно пеплом, но я заставляла себя есть. Вода, прохладная и чистая, смывала со рта привкус желчи и страха.

Время тянулось под гомон голосов, звон посуды и потрескивание огня. Я наблюдала. За купцами, спорящими о ценах на шерсть. За парой подвыпивших трактирных завсегдатаев, игравших в кости. За проходящими мимо фигурами – ни одна не подходила под описание. Каждый скрип двери заставлял сердце на мгновение замирать, а пальцы непроизвольно искать рукоять под столом. Но это были просто местные жители, возницы, странствующие ремесленники.

А что, если он не придёт? Что, если Х. ошибся? Что, если это ловушка с самого начала?

Я сжала кружку так, что побелели костяшки, и заставила себя дышать ровно. Дотронулась до кристалла на шее – маленького, тёплого, спрятанного под ворот рубахи. Телепорт сработал точно. Свёрток с одеждой и деньгами был на месте. Х. не подвёл. Х. никогда не подводил.

Вопрос был в том, кто встретит меня здесь.

Посетители сменяли друг друга: возницы, торговцы, крестьяне с пустыми телегами. Никто не подходил к моему столу. Никто не задерживал на мне взгляд. Солнце постепенно садилось.

Я почти расслабилась, когда дверь открылась снова.

Он вошёл не как все. Не хлопнул, не огляделся растерянно, не остановился на пороге, привыкая к полумраку. Он просто шагнул внутрь – бесшумно, плавно, как тень, отделившаяся от вечернего сумрака. Высокий, в тёмном дорожном плаще, с сумкой через плечо. Сапоги – мягкая кожа, ступают беззвучно даже на скрипучих половицах. Волосы – чёрные, собранные в небрежный пучок, одна прядь падает на лоб, касаясь тонкого шрама, пересекающего бровь. Лицо – резкое, высеченное, с высокими скулами и жёсткой линией челюсти.

Он остановился на секунду. Его взгляд – быстрый, цепкий, профессиональный – скользнул по залу, отмечая выходы, окна, лестницу, углы. Потом – по лицам. Купцы, игроки, служанки. И, наконец, остановился на мне.

Я замерла. Цвет глаз незнакомца нельзя было описать как

просто голубые. Это был лёд глубочайших расселин, лёд, в котором застыл свет далёких, безразличных звёзд. В них не было ни любопытства, ни приветствия, ни даже обычной настороженности, только плоская оценка. Он смотрел на меня так, будто я была предметом – стулом, столом, ещё одной деталью обстановки, которую нужно учесть, чтобы не споткнуться.

Мужчина медленно, с кошачьей, расслабленной грацией, направился через зал прямо ко мне в угол. Его походка была упругой и бесшумной, движения без единого лишнего жеста. Он не спрашивал, можно ли сесть. Просто отодвинул стул и опустился напротив, положив руки на стол. Без оружия, без угрозы – но так, что я почувствовала: ещё секунда – и он может ударить быстрее, чем я успею выдохнуть. Незнакомец занял пространство так естественно, будто сидел здесь каждый день года.

– Каэлин, полагаю, – сказал он. Голос – низкий, ровный, без интонаций.

Всё внутри меня взметнулось пожаром. Он назвал моё имя. Вслух. В этом грязном трактире, среди этих людей, которые не должны были знать, кто я. Губы уже готовы были разомкнуться, чтобы коротко и жёстко указать ему на его место. Но я остановила себя прежде, чем первый звук сорвался с языка. Принцесса умерла в Зеркальном зале. Здесь, в «Спящем вепре», сидела просто женщина с чёрными волосами, в чужой одежде, с клинком на поясе, ждущая наёмни-

ка, потому что без него ей не добраться до Нижних Земель живой.

Я изогнула губы в обезличенной улыбке, за которой могло таиться что угодно – от ледяной вежливости до смертельной угрозы. Этому учили с детства: улыбаться так, чтобы собеседник никогда не знал наверняка, о чём ты думаешь.

– Угадал, – произнесла я и, выдержав ровно столько паузы, сколько требовалось, чтобы слово упало с весом подачки, добавила, словно бросала собаке кость: – Киан.

Он никак не отреагировал.

Ни один мускул не дрогнул на его лице, но взгляд на долю секунды стал тяжелее. Тишина затягивалась. За соседними столами продолжали есть, пить, переговариваться, не обращая на нас внимания, но в нашем углу воздух, казалось, загустел.

Наконец он чуть склонил голову набок – движение настолько лёгкое, что я не была уверена, не показалось ли мне.

Моё положение было отвратительным. Здесь и сейчас я полностью зависела от этого человека с лицом, высеченным из гранита. Но они все забывали одну вещь: каждый из них принадлежал мне. Не по титулу – по праву крови. Я – кровь от крови самой богини Порядка Морриан, и моя власть отличалась от власти любого короля. Они могли швырнуть меня в грязь Средних земель, лишить имени, титула, даже волос, но они не могли забрать то, что делало меня Каэлин.

Эта мысль, острая и холодная, прошла сквозь пелену уста-

лости, выпрямляя позвоночник стальным стержнем.

Киан смотрел на меня всё так же неотрывно, и впервые в его взгляде мелькнуло что-то, отдалённо напоминающее интерес.

– Полагаю, нам надо обсудить пару моментов, – сказала я, и голос мой не дрогнул.

Он должен был понять с самого начала, кого именно наняли сопровождать. Не перепуганную беглянку, не истеричную девицу, которой нужна нянька, а дочь Императора, привыкшую, что её слова имеют вес.

– Первое – на эту ночь мне нужна комната. Отдельная, с замком и без соседей за тонкой стеной. Оплачу из того, что уже имею, так что это не ляжет на твой кошелёк.

Он молчал, позволяя мне говорить.

– Второе – мне плевать, какими путями ты поведёшь меня: через горы, болота или подземные туннели гномов, – я позволила себе лёгкое движение бровью, обозначающее, что последнее – шутка, но шутка на грани. – Но я должна быть в Нижних Землях не позже чем через шесть месяцев.

Где-то в глубине ледяных глаз мелькнула тень усмешки – будто он слышал подобные речи сотню раз от сотни других беглецов, каждый из которых считал себя особенным. Он моргнул. Один раз. Медленно. В этом жесте вдруг почудилось что-то кошачье, хищное, спрятанное под маской невозмутимости. Он не перебивал, не переспрашивал, не пытался оспорить ни одно из моих требований – и это настораживало

больше, чем открытое сопротивление. С теми, кто спорит, можно договориться. С теми, кто молча слушает, – никогда не знаешь, какой удар последует, когда они наконец раскроют рот.

– Шесть месяцев, – повторил он задумчиво, пробуя цифру на вкус. – До Нижних Земель, если идти напрямую через Перевал Теней и плыть через океан, обычно укладываются в четыре. Пять – если с оглядкой на погоду и возможные стычки. Шесть… – он сделал паузу, и в голосе его проскользнула лёгкая, едва уловимая насмешка, – шесть месяцев – это если мы решим объехать все таверны на континенте или ты захочешь брать уроки вышивания у каждой встречной крестьянки.

Я позволила себе холодную улыбку, не затронувшую глаз.

– Я сказала: не позже чем через шесть. Чем быстрее – тем лучше, при условии, что скорость не будет достигнута за счёт моей шеи на очередном горном серпантине. Устраивать гонки с погоней я тоже не планирую.

– Погоня, – эхом отозвался он, и впервые в его голосе мелькнуло что-то живое – не то интерес, не то напряжение. – Какие масштабы?

Я моргнула, потянулась к кружке, скрыв за ней усмешку. Вопрос был неожиданным. Или он проверял меня, или действительно не понимал, в какую игру ввязался. Впрочем, второе казалось маловероятным – Х. не стал бы нанимать слепца.

– Что ты знаешь о Штормовой Страже? – спросила я наконец, ставя кружку обратно на стол и поднимая на него взгляд. Я следила за его лицом, ожидая реакции. Если он действительно лучший наёмник на трёх континентах, он должен знать. Должен понимать, почему одно это название способно заставить побледнеть любого, кто хоть раз сталкивался с имперской системой правосудия.

Он не ответил сразу. Вместо этого его взгляд – этот неизменный, ледяной, немигающий – на долгую секунду сместился куда-то в сторону, к пляшущему в камине огню, будто там, в танце пламени, он искал ответ.

– Штормовая Стража, – повторил он медленно, будто пробовал слово на язык. – Личная гвардия Императора. Элита из элит. Лучшие бойцы, лучшие маги, лучшие следопыты. Подчиняются напрямую только Династии Солнца. – Он сделал паузу, и в его голосе прорезалась лёгкая, едва уловимая ирония: – Говорят, если Штормовая Стража выходит на след, жертве остаётся только выбрать способ умереть. Быстро или очень медленно.

Я кивнула, не отводя глаз. Он сделал паузу, и его взгляд стал острее, пронзительнее, будто он пытался заглянуть за маску моего спокойствия.

– Император не станет поднимать Стражу ради семейной ссоры. Что ты сделала, Каэлин?

– Убила Императора, – сказала я просто, глядя ему прямо в глаза. – Своего отца. На глазах у всего двора. Под вальс.

Ответ повис между нами. Я не отвела взгляда, не потупилась, не попыталась оправдаться или объяснить. Наёмник замер, его глаза расширились на доли секунд, и я увидела за его невозмутимостью что-то живое. Удивление? Нет, слишком слабое слово. Потрясение, быстро подавленное, но не успевшее спрятаться до конца.

А потом он выдохнул.

Медленно, шумно, будто только что задержал дыхание на минуту.

– Под вальс, – повторил он. Голос сел, стал ниже. – Любишь драматизм?

Я откинулась на скрипнувший стул.

– Обожаю.

Слово вышло ленивым, почти сладким – как у кошки, которая только что выпила сливки и теперь точит когти о бархатную обивку. Киан смотрел на меня поверх сложенных на столе рук. Его пальцы – длинные, с чистыми ногтями – лежали неподвижно, и только указательный чуть заметно постукивал по костяшке. Размеренно. Один удар в секунду.

– А я думал, принцесс учат другому. Терпению, например. Или скромности.

– Учат, – я дёрнула плечом – резко, будто скидывая невидимую тяжесть. – Шитью, танцам, этикету. Искусству врать с улыбкой. – Наклонила голову, поймала его взгляд. – Хочешь, вышью тебе герб на вороте? Золотом. Будет красиво.

На секунду мне показалось, что он сейчас усмехнётся –

или, наоборот, встанет и уйдёт, но он только чуть склонил голову, и в его ледяных глазах мелькнуло что-то, отдалённо напоминающее искру.

– Ты издеваешься, – сказал он.

– Ты же хотел узнать, чему учат принцесс, – я отмахнулась, стул снова предательски скрипнул. – Искусству убивать, кстати, тоже. Но это уже факультатив.

Киан откинулся на спинку, и его стул, в отличие от моего, даже не скрипнул. Сложил руки на груди – расслабленно, но так, что я сразу отметила: кисти свободны, пальцы не сжаты.

– Факультатив, значит, – протянул он, и в голосе прорезалась ленивая нота. – И долго ты его посещала?

– О, это был очень обширный курс. – Я чуть склонила голову к плечу, изображая задумчивость. – Если хочешь получить точную цифру – направь запрос в мою приёмную. Мои секретари вышлют тебе подробный отчёт: сколько часов потрачено на теорию, сколько на практику, и на какие именно разделы. С разбивкой по годам и преподавателям.

Я встала. Стул, верный своему привычному скрипу, жалобно заныл подо мной, но я уже не обращала внимания. Поправила плащ, проверила, на месте ли ножны.

Киан тоже поднялся – плавно, без лишних звуков, будто его стул вообще не умел скрипеть.

– Значит, отчёты и секретари, – сказал он. – Я думал, ты скажешь что-нибудь вроде «достаточно, чтобы не промахнуться».

– Это было бы слишком просто, – я пожала плечом. – А я, знаешь ли, больше драматизма люблю только отчёты.

Киан моргнул. На этот раз быстрее – будто его ледяная невозмутимость дала трещину, и он поспешил её заделать.

– Отчёты, – повторил он. В голосе проскользнуло что-то, отдалённо напоминающее обречённость. – С тобой невозможно разговаривать.

– Аккуратнее, сердце мне разобьёшь, – бросила я через плечо, разворачиваясь. – Не проспи.

Махнула рукой, даже не взглянув, уйдёт ли он или останется. Сапоги глухо стучали по скрипучим половицам, и каждый шаг отдавался в висках. Лестница нашлась в дальнем конце зала – узкая, тёмная, с перилами, которые шатались при малейшем прикосновении.

Нижняя ступенька жалобно заныла под моим весом.

Наёмник не окликнул. Не сказал ничего вслед. Я не оборачивалась, но кожей чувствовала его взгляд – тяжёлый, изучающий. Я поднималась медленно, перехватывая перила, чтобы не оступиться. Усталость наваливалась свинцовым одеялом, и каждый шаг давался через «не могу». На втором пролёте я чуть не споткнулась – половица ушла из-под ноги, и сердце на секунду ухнуло вниз.

Войдя в свою каморку, я задвинула засов, вытащила клинок из-за пояса и положила его под подушку. Комната была тесной, с низким потолком и единственным окном, выходящим во внутренний двор, где до рассвета возились с ло-

шадьми какие-то возницы. Я не спала. Сидела на краю кровати, привалившись спиной к холодной стене, и смотрела в темноту.

Рука под повязкой начала гореть ещё до того, как я успела осознать, что это не просто усталость. Сначала – лёгкое покалывание, будто в пальцы впились сотни крошечных игл. Потом жар, поднимающийся от кончиков пальцев к локтю, сухой, тяжёлый, высасывающий влагу из кожи. Я сжала зубы и ждала, что это пройдёт, как проходили все последствия перехода через портал, как проходила тошнота и дрожь в руках. Но жар только нарастал, превращаясь в пламя, которое лизало вены изнутри.

Я закатала рукав и в тусклом свете луны, пробивавшемся сквозь грязное стекло, увидела, как по предплечью расползается тьма. Она не была похожа на синяк – не синеватая, не багровая. Чёрная, глубокая, будто кто-то вырезал кусок кожи и залил туда ночь. По этой черноте, словно золотые прожилки в мраморе, вились руны – тонкие, изящные, пугающе знакомые. Я узнала их. Их выводили на стенах храмов, на страницах древних кодексов, на оружии, которое носили Верховные жрецы. Кара Морриан.

Очевидно, богиня не в восторге, что я убила члена своей семьи.

Я попыталась позвать искру – ту крошечную, привычную, с которой начиналась любая магия. Обычно она отзывалась сразу, вспыхивала где-то в груди, готовая послушно растечь-

ся по пальцам. Сейчас ничего не произошло. Я потянулась глубже, к самому источнику, к тому эфиру, который текла во мне с рождения, – и мир взорвался болью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.